

АМЕЛИЯ
БОРН

Здравствуй,
сын!

16+

Амелия Борн
Здравствуй, сын!

«Автор»

2020

Борн А.

Здравствуй, сын! / А. Борн — «Автор», 2020

Она меня не узнала!— Добрый день... Меня зовут Диана. Мы с вами незнакомы, но...Я перевел взгляд на мальчишку лет пяти, которого она держала за руку. К горлу подкатил спазм. Это же моя копия — только на тридцать лет младше.— Мы с вами незнакомы, но... — подсказал я.— Да, но мы пришли лично поблагодарить вас за то, что спасли Матвею жизнь.Я снова прошелся ничего не видящим взглядом по лицу стоящей напротив женщины и прикрыл глаза. Она ошибалась. Мы были очень даже знакомы.Переводя деньги на благотворительность, я даже не подозревал, что спасаю жизнь... собственного ребенка.

© Борн А., 2020

© Автор, 2020

Амелия Борн Здравствуй, сын!

Пробка дико бесила. Я опаздывал в офис, и хотя вполне мог позволить себе подобное, сегодня меня все раздражало. Начиная от летнего меню, что я решил лично создать для одного из ресторанов, заканчивая звонком бывшей, принявшей донимать меня в последнее время особенно яростно.

– Да твою же маааать! – выругался, сцепив зубы, когда меня подрезала чья-то тачка.

Наверняка бабская – небольшой и старенький Рено, который только на свалку, а не развезать на нем по улицам мегаполиса.

В любом другом случае, я бы обогнал выдавшую виды колыхающуюся и, притерев к обочине, рассказал, что думаю о подобной манере вождения. Но сейчас не хотел тратить время.

Все же добравшись до офиса, сделал вдох-выдох. С чего так завелся, не понимал и сам. Наверно, надо будет нервишки подлечить – и не привычным способом, а у какого-нибудь мозгоправа.

Когда поднимался в лифте на тринадцатый этаж, телефон, чтоб его, зазвонил снова. Наверняка опять Виолетта, от которой уже было так тошно, что хоть на стенку лезь.

Мы расстались не так давно, но Летти, как она сама просила себя называть, уже успела об этом пожалеть. А я – нет. Просто в один момент понял, что меня не устраивают холодные, как остывший ростбиф, отношения. И такая же холодная постель, даже если в ней и происходило то, в чем Летти показывала все свои умения., весьма, надо сказать, разнообразные. Может, это было приближением старости?

Глянув на экран телефона, вздохнул с облегчением – Марк Жук, один из тех, кого я был рад слышать всегда.

– Слушаю, – ответил на звонок, и тут же меня ошарашили.

– Через неделю, Ноттингем, благотворительный фестиваль. Будешь?

А Жук умел ввести в ступор.

– Что за фестиваль? – уточнил, выходя из лифта, уже зная, что скорее всего, поеду. Наверно, именно этого мне и не хватало – немного развеяться.

– Шефы устроят мастер-класс для детей с ограниченными возможностями. В остальном – грандиозная обжираловка, как и всегда.

Я хмыкнул, добравшись до приемной. Кивнул секретарше, обвел глазами помещение, и уже собрался идти в кабинет, когда мои ноги приросли к полу.

– Я перезвоню, окей? – спросил у Марка, и не успел тот ответить, отрубил связь.

Это была она.

Нет, не так.

Мне навстречу поднялась Диана. Женщина, черты лица которой я помнил досконально. Но понял это только сейчас, когда увидел ее вновь. Мы виделись лишь однажды, но эта встреча до сих пор не шла у меня из головы. И тому были очень веские причины...

– Олег Владимирович, к вам посетители, – озвучила секретарша очевидное.

А я стоял напротив и понимал простую вещь – Диана меня не узнала.

– Добрый день, – заговорила она, и я посмотрел на паренька, лет пяти, которого Диана держала за руку. – Мы с вами незнакомы, но...

Она запнулась и, опутив взгляд, покачала темноволосой головой. На губах заиграла легкая улыбка, полная смущения.

– Мы с вами незнакомы, но? – подсказал я хриплым голосом. А в голове моей пронеслись миллионы вопросов, главным из которых был лишь один – со стороны Дианы это признание, или..?

– Но мы с Матвеем лично пришли, чтобы поблагодарить вас за то, что спасли ему жизнь. Я нахмурился, снова переводя взгляд на мальчишку. Твою... дивизию! Это же я, собственной персоной, только на тридцать лет младше.

Во рту стало так сухо, что язык прилип к небу, мешая произнести хоть один звук.

Теперь я узнал парня – именно на его лечение я перевел деньги какое-то время назад. И тоже не забыл – ни его огромных глаз, полных какой-то безнадёги, ни кучеряшек, торчащих в разные стороны.

– Пройдемте ко мне в кабинет, – сказал, когда смог говорить. – Кофе?

– Если можно, – кивнула Диана. – Но мы бы не хотели вас отвлекать.

– Вы меня не отвлекете, – заверил я мать моего сына.

Черт! Почему от этой мысли все внутри переворачивалось? Я ведь еще двадцать минут назад даже помыслить не мог ни о чем подобном!

– Света, два кофе и мороженое для Матвея.

– Олег Владимирович, но...

– Никаких «но». Чтобы все было через десять минут.

Распахнув перед Дианой дверь, я пропустил их с малым в кабинет и зашел следом. Сердце, как сумасшедшее, билось с такой скоростью, что этот звук казался мне слышимым всеми. Однако Диана выглядела расслабленной, хоть и продолжала смущаться.

Нет, она и вправду меня не узнала.

Я посмотрел на Матвея. Он оглядывался с интересом, но в карих глазенках была опаска. А потом вдруг сорвался с места и, подбежав к столу, схватил мою Золотую Цесарку.

– А это что? – потребовал он ответа.

– Матвей! – воскликнула Диана с таким ужасом в голосе, как будто он не Цесарку схватил, а звезду Мишлен. Которой у меня, впрочем, пока не имелось.

– Это один из самых почетных призов, – пояснил я и сделал то, чего не ожидал от самого себя.

Присел перед сыном (а в том, что это именно мой сын, я не сомневался) на корточки и улыбнулся.

– Нравится? – уточнил у Матвея.

– Я люблю призы, – кивнул он в ответ. – У меня есть... – Нахмутив брови, Матвей принялся вспоминать, что у него есть.

– Диплом победителя, – подсказала Диана.

Она уже обосновалась – присела на край стула и теперь смотрела на нас. А мне вдруг стало очень интересно – если она меня не узнала, то... от кого же, по ее мнению, родился Матвей? Это я и планировал выяснить в самом ближайшем будущем, пока же нужно было наладить с Дианой мало-мальский контакт.

– Диплом победителя – это просто отлично, – похвалил я, распрямившись.

Секретарша как раз внесла кофе и мороженое, за которым ей наверняка пришлось сбежать в ближайшее кафе.

– Я не спросил, можно ли Матвею сладкое, – произнес, когда Света расставила напитки и крем-брюле на столе.

А потом она застыла и, нахмурившись, стала рассматривать ребенка. Черт, еще не хватало, чтобы по офису поползли слухи!

– Можно, – кивнула Диана и улыбнулась. – С некоторых пор я стала его баловать.

Пока Матвей уплетал мороженое, я вопросительно посмотрел на Свету. Она наконец отмерла и, рассеянно оглядевшись, извинилась и вышла.

– Сейчас у Матвея все хорошо? – осторожно спросил у Дианы, опираясь бедром на край стола.

Судя по всему, ребенок уже был здоров, да и со слов его матери я понял, что жизнь сына вне опасности.

– Да, сейчас все хорошо. Конечно, мы регулярно обследуемся, но с ним все в порядке. Спасибо вам большое.

Она снова улыбнулась мне – тепло и открыто. Я не удержался от ответной улыбки, но конечно, кое-что меня продолжало напрягать. А именно та ситуация, в которой мы все оказались.

Мы познакомились с Дианой около шести лет назад в клубе. Ну как, познакомились? Я был в компании на мальчишнике лучшего друга. Напитки покрепче, слова покороче... Я принял ее за другую – одну из нескольких бабочек, прилетевших скрасить время для нашей мужской компании. А когда оказалось, что она не только не легкодоступная девица, но еще и была невинной до меня...

Я пытался ее найти. Сам не знал, зачем. То ли от воспоминаний о том, как она вся зажималась со мной, пыталась отстранить, а я – принимал это за игру. То ли потому что была первой, кто настолько смог зацепить с тех пор, как я расстался со своей невестой.

И вот теперь... черт побери! Да она же наверняка от меня залетела после той ночи! Только почему сейчас давала понять, что видит впервые? Или все это было лишь искусной игрой? Да, возможно.

Давая деньги на спасение Матвея, я не скрывал своего имени. И могло получиться так, что Диана узнала, кто был тем самым благотворителем, поняла, что именно я – отец Матвея и теперь пришла ко мне. Но, если так и было, стоило признаться – ей чертовски хорошо удавалась актерская игра.

– Не благодарите, Диана. Никакие деньги не идут в сравнение с тем, что касается человеческой жизни. Тем более, если речь идет о жизни ребенка.

Твоего ребенка, Волков, – тут же добавил внутренний голос.

Только теперь мне нужно будет понять, как выяснить, правда ли это. И что делать с пониманием, что меня могли попросту не узнать.

– Мама, я доел, – объявил Матвей и, отставив стаканчик из-под мороженого, слез со стула. – Ты обещала еще и в зоопарк.

– Да.

Диана тоже поднялась и, поставив пустую чашку на поднос, снова мне улыбнулась. Нет, она не могла притворяться. Она взаправду не узнала во мне того парня, с которым провела ночь.

– Мы поедем, Олег Владимирович. Еще раз спасибо вам за все.

Она произнесла эти слова, а у меня внутри все перевернулось. Матвей и Диана вот так вот уедут, и этот малыш не будет знать, что я – его отец? И сама Диана... она меня попросту не вспомнит?

– Диана, подождите, – сказал, когда они направились к выходу из кабинета. – Возьмите мою визитку.

Я нашел на столе белый прямоугольник с написанным на нем номером телефона и протянул Диане. Та взяла визитку после некоторых раздумий.

– Надеюсь, что если повод позвонить мне и найдется, он будет совсем не таким, какой свел нас вместе раньше.

На этом моменте я цепко всмотрелся в лицо Дианы, потому что фраза моя звучала весьма двояко. Но, кажется, она поняла все весьма однозначно.

– Да, я тоже надеюсь, что таких поводов больше не будет. Спасибо вам, Олег Владимирович.

Они ушли, а я некоторое время простоял, глядя им вслед, после чего подошел к окну. Матвей и Диана как раз усаживались в машину. В тот самый старенький Рено, который подре-

зал меня по дороге на работу. Усмехнувшись, покачал головой – а ведь наше второе знакомство могло состояться раньше и прошло бы в менее дружелюбной атмосфере.

Дождавшись, пока машина отъедет от офиса, я повернулся и осмотрел кабинет. Мне на глаза попала пластиковая ложка, которой ел мороженое Матвей. Кажется, можно сделать анализ на днк, используя ее в качестве подручного материала.

Меня охватило какой-то странной лихорадкой, какой я не испытывал ни разу в жизни. Выглянув из кабинета в приемную, я отдал распоряжение секретарше:

– Дай мне все контакты, которые оставила Диана. Все, что ты записала.

Света воззрилась на меня с таким выражением на лице, что мне тут же захотелось ее уволить к чертям собачьим за возможные последствия от ее болтливости (если таковой все же обнаружится через время).

– Хорошо, Олег Владимирович. Сейчас я приберу в вашем кабинете.

Она быстро взяла себя в руки и уже направилась в мою сторону, когда я ее остановил:

– Не нужно, все потом, – сказал ей, и прежде чем секретарша снова одарила бы меня удивленным взглядом, скрылся за дверью.

Старенький Рено Логан тяжело вздохнул, когда я нажала на педаль газа, и неторопливо, словно бы неохотно, двинулся с места. Эта машина была тем немногим, что я не успела продать в тот страшный период, когда жизнь сына висела на волоске. И то только потому, что никто не хотел ее брать, да и денег она много не принесла бы. Не покрыла бы даже сотой доли от дорогостоящего лечения.

Для любой матери, наверно, нет ничего страшнее ситуации, когда оказываешься лицом к лицу с такой бедой, как болезнь твоего ребенка. Хуже того – с невозможностью ему помочь, потому что требуемой на лечение суммы не видела в глаза за целую жизнь. Я до последнего момента не знала, удастся ли собрать нужное количество денег и когда кто-то сделал очень щедрое пожертвование – поклялась себе, что поблагодарю этого человека лично.

Мне хотелось сказать ему так много добрых слов, но при встрече все они куда-то подевались, подавленные странным чувством, будто я знала Олега Волкова не только по фотографиям в интернете.

Но этого никак не могло быть! Таких мужчин, как он, попросту не забывают. И скорее всего это была не более, чем иллюзия, рожденная его известностью. Как я выяснила впоследствии, разыскивая человека, спасшего жизнь моего сына, Олег Волков был знаменитым шеф-поваром и бизнесменом. Наверняка я просто видела его прежде где-нибудь по телевизору и не более того.

Занятая этими мыслями, я не сразу поняла, что Матвей ведет себя непривычно тихо, хотя обычно сын охотно болтал обо всем на свете, начиная со своих друзей и заканчивая тем, что ему попадалось на глаза из окон машины.

– Эй, о чем задумался? – спросила я, кинув взгляд на сына и улыбнувшись его серьезному, сосредоточенному виду, с которым он вертел в руках любимую мягкую игрушку – пингвина в смешной голубой шапочке.

В ответ на мой вопрос сын лишь тяжело вздохнул. Я уже решила было, что он так ничего и не скажет, но Матвей неожиданно произнес:

– Мне понравился дядя Олег. У него глаза добрые.

И после паузы сказал то, отчего у меня все внутри перевернулась:

– Я бы хотел, чтобы мой папа был на него похож. У дяди Олега даже награды есть, – пробормотал Матвей с настоящим благоговением.

А я до боли поджала губы, чтобы не выдать своей реакции.

Господи, мне, наверно, до конца жизни не избавиться от стыда перед сыном за то, что я не знала, кто его отец. Нелепая, безумная ситуация, но я действительно не имела об этом ни

малейшего понятия! Хуже того – я, кажется, даже не желала этого вспоминать. Так мне сказала психолог, к которой меня притащила мама.

Я прикрыла глаза, вспоминая тот ужасный момент, когда вдруг выяснилось, что я беременна. В ушах, как наяву, стояли крики мамы, которая сначала обвиняла меня в том, что я развратница, а потом плакала, умоляя признаться, кто этот негодяй, который меня, как она выразилась, обрюхатил.

Но мне решительно нечего было ей рассказать! До того момента, как попала к гинекологу на прием из-за пропавших месячных, я даже не подозревала, что уже не девственница. И когда узнала о том, что внутри меня растет новый человек, долго не могла в это поверить. Не могла принять.

В тот ужасный период, когда Матвей боролся за жизнь, я винила во всем себя. В том, что не знаю, кто его отец и мы не можем обратиться к нему за помощью; в том, что поначалу не хотела принимать факт своей беременности, не была готова стать матерью... Мне казалось – кто-то свыше наказывал меня за все это. И как только не сошла с ума за то время, когда сын болел – не знала и сама.

Понимание, что у меня нет ничего дороже, чем мой ребенок, пришло в тот момент, когда я впервые взяла его на руки. Пусть даже рядом не было человека, который разделит бы со мной это счастье. Именно счастье, равного которому нет.

– Твой папа... – начала я, тщательно подбирая слова для этого самого трудного разговора, – самый лучший человек на свете. Иначе и быть не могло, ведь он подарил мне тебя, – натянула я на лицо улыбку, повернувшись к сыну.

Если бы только мне и правда быть в этом уверенной! Отец Матвея мог оказаться кем угодно – наркоманом или алкоголиком и, как знать, может, именно этот факт повлек за собой проблемы со здоровьем у сына. Этого я точно знать не могла, но если верить моему психологу, то почти наверняка выходило, что этот человек как минимум был... насильником. Ирина Борисовна считала, что моя память просто заблокировала все воспоминания о той ночи, потому что шок от случившегося был слишком сильным.

Я ведь не была какой-нибудь беззаботной тусовщицей, готовой заниматься сексом с малознакомыми людьми. Совсем напротив – мама воспитывала меня в строгости, вбивая в голову, что секс между мужчиной и женщиной может быть только после свадьбы. И никогда прежде у меня с парнями не было ничего большего, чем поцелуи. Поэтому я не могла даже представить, что решилась бы вдруг на подобное развлечение. Такого желания у меня и не возникало – ни до той ночи, ни, тем более, после.

– Жаль, что я не узнаю папу, – сказал Матвей.

Он проговорил это совсем тихо, но я его услышала. И сердце снова сжалось от невыносимого чувства вины. К несчастью, у меня не было иного выбора, кроме как сказать сыну, что его отец погиб.

– Мне тоже жаль, – ответила ему, сворачивая на парковку у зоопарка. – Но у тебя есть я, а у меня есть ты. И это самое главное.

Матвей задумчиво кивнул, а когда вскинул на меня глаза, в них уже светились совсем иные чувства – предвкушение и надежда.

– Мама, а можно будет покормить животных? – спросил сын, когда мы вышли из машины. – Мне так нравится кенгуру! И верблюды...

– Боюсь, что нельзя, – вздохнула я, закрывая старую верную «Рено». – Это очень опасно для них. Но в следующий раз мы с тобой сходим в другой зоопарк, поменьше, где нам дадут для специальную еду для животных. Идет?

– Идет, – кивнул Матвей и я почти расслабилась, радуясь тому, что дети способны так быстро переключаться и менять свое настроение. Но, оказалось, что с выводами я поторопилась.

– Надо нам было позвать с собой дядю Олега! – заметил Матвей, когда мы вошли в зоопарк. – Мне кажется, кенгуру бы ему очень понравилась.

– Он очень занятой человек, Матвей, и ему нужно работать, – ответила я. – Но, может быть, в другой раз он найдет время познакомиться с кенгуру.

Конечно, никакого другого раза не будет и быть не могло по определению. Мы с Матвеем нанесли Олегу Волкову единоразовый визит и вряд ли когда-либо встретимся с ним снова. Для этого просто не было никаких причин.

Как вскоре оказалось – по этому поводу я сильно заблуждалась.

Я много думал о том, что же случилось после той нашей ночи в клубе. Многое сопоставлял друг с другом, чтобы понять, судьба ли – эта встреча с Дианой? Или хитрый ход, который она сделала, узнав, кто именно отец ее ребенка. И однозначного вывода по этому поводу у меня не имелось.

Зато имелось кое-что другое – возможность спокойно разузнать, каковы цели у матери моего ребенка. И есть ли они вообще.

Прошло несколько дней после нашей встречи, когда я все же решил позвонить ей. Чем дольше она молчала, тем больше я убеждался в том, что Диана взаправду просто пришла, чтобы меня поблагодарить. И ничего большего.

Сам же за это время выяснил то, что не давало мне спать в последние несколько ночей – Матвей был рожден от меня. Анализ днк показал это доподлинно.

– Алло? – с осторожностью ответила Диана на звонок, стоило мне набрать ее номер.

Я откашлялся. В горле пересохло – ей-богу, как одиннадцатиклассник, собирающийся пригласить на свидание понравившуюся девушку.

– Диана, добрый день. Это Олег Волков.

– О!

Она так и сказала. Просто «О!», ничего кроме. И что скрывалось за этим возгласом, понять я не мог.

– Вам удобно сейчас говорить?

– Удобно. Что-то случилось?

Конечно, случилось. Я тебя поимел, приняв за другую, искал, но не нашел, а теперь ты сама пришла ко мне.

Вместе с сыном. Нашим с тобой. И вот теперь я понять не могу, как нам строить отношения дальше.

– Нет, ничего не случилось. Вы оставили свой номер секретарше, когда приходили ко мне. И вот я решил вам позвонить и...

Нет, мне впору было давать звание «Идиот года». Особенно за эту паузу, которую сделал вместо того, чтобы пригласить Диану в ресторан.

– Позвонить... и? – спросила она, когда молчание стало звенящим.

– Позвонить и спросить: как вы смотрите на то, чтобы встретиться и поужинать?

Тишина снова стала такой осязаемой, что казалось, как будто ее можно потрогать руками. Диана молчала, но трубку не положила – и то хлеб.

– Я с удовольствием, Олег Владимирович, – наконец сказала она, и я выдохнул с облегчением.

– Завтра в семь вечера, устроит?

– Да... устроит. Я договарюсь с мамой, чтобы она забрала Матвея на пару часов.

Диана четко очертила границы. Только ужин, ничего больше. Но на большее я и не рассчитывал. Пока что.

– Хорошо. Продиктуйте адрес, я заеду за вами в половину седьмого.

– Давай перейдем на «ты», – предложил Диане, когда забрал ее и помог устроиться в машине.

– Давайте... точнее, давай, – согласилась она, улыбнувшись смущенно.

И от этой улыбки все внутри сжалось. Она ведь точно так же улыбалась мне в том клубе, но тогда я поспешил принять это за игру профессионалки. А сейчас понял – такой искренности не смогла бы изобразить ни одна, даже самая отъявленная, актриса.

– Куда мы едем? – спросила Диана, глядя по сторонам, как будто улицы, по которым мы передвигались, могли рассказать ей о конечной цели путешествия.

– В ресторан. Я же обещал ужин, – улыбнулся, чуть повернув к ней голову, когда мы остановились на светофоре.

Мне нравилось, что Диана выглядит совершенно естественной. Ни кричащей косметики, которую женщины наносят на лицо, как боевой раскрас, призванный сбить мужчину с ног. Ни ультра-короткого платья. Все просто и непринужденно.

– Хорошо, я как раз проголодалась.

Вроде бы в ее словах не было ничего двоякого, однако я тут же отреагировал на них так, как совсем был не должен. Возбуждение. Предвкушение. Желание. Вот, что испытывал сейчас, когда мы всего лишь ехали поужинать.

Да уж, Волков. Не зря она тебя тогда испугалась. Кажется, ты больше похож на животное, а не на заинтересовавшегося мужчину.

Припарковавшись возле одного из своих ресторанов, закрытых на этот вечер только для нас с Дианой, я помог ей выйти из машины и, чуть задержав руку в своей ладони, спросил:

– Утка и салат с апельсинами под бокал вина устроит? Обещаю, что буду готовить сам.

В ответном взгляде заискрилось то, чему я не мог дать точного определения, но мне нравилось видеть, как Диана реагирует на мои слова.

– Устроит, – кивнула она и, опустив голову, смущенно улыбнулась.

– О! И как это тебе удастся? – спросила Диана, отправив в рот первый кусочек утиной грудки на коже. – У меня она получается без корочки и дико сухой!

– Не забывай, я шеф, – подмигнул ей и, пригубив вина, откинулся на спинку стула.

Мне всегда нравилось смотреть за тем, как люди пробуют блюда, приготовленные мною, и как наслаждаются вкусом пищи. Но сейчас кормить Диану, наблюдать за тем, как она кладет в рот кусочек за кусочком, было особенно волнительно.

– И все же... Как можно приготовить еду настолько вкусно?

– Ну, на утке важно сделать надрезы. Посмотри сама, – я указал на ее тарелку. – Потом – натереть солью, она удалит излишнюю влагу из кожи. Еще нужно вытопить жир, а уже потом...

– Все-все! Я сдаюсь!

Диана подняла руки в жесте капитуляции, взяла вино и тоже сделала глоток. А я сидел напротив, смотрел на нее и не знал, о чем нам с ней говорить. Ну, не ошарашивать же ее сходу тем, что я все знаю?

– Как зоопарк? Съездили? – задал я пару вопросов на нейтральную, как мне самому показалось, тему.

Диана кивнула, и на лице ее появилось такое выражение, что я сразу понял – в этот момент она думает о сыне. О нашем с ней сыне.

– Да. Матвей очень любит проводить со мной время. А я – каждую секунду стараюсь посвятить ему.

Она вдруг нахмурилась и, не успев я и слова сказать, продолжила:

– Знаешь, после его болезни... я стала относиться ко всему иначе. И очень благодарна тебе за то, что ты тогда помог.

Ди помотала головой и добавила:

– Прости, что грузю тебя всем этим.

Ей не за что было извиняться. Совершенно случайно я оказался рядом и стал той самой спасительной соломинкой, в которой они нуждались. А если бы этого не произошло? Даже дурно стало от этой мысли. Мой ребенок мог умереть. Или я вообще никогда бы не узнал, что он у меня есть... Черт, это ужасало даже сейчас, когда все сложилось самым верным образом.

– Не извиняйся, – сказал я Диане. – Мне нравится слушать о том, как ты говоришь о Матвее.

Мы помолчали. Я не знал, как перейти к тому, что меня волновало. О чем думала в этот момент Ди – не имел ни малейшего представления.

– Кстати, а отец Матвея не приревнует тебя ко мне? – ляпнул я то, что само просилось наружу.

И тут же пожалел о сказанном. На лице Дианы появилась растерянность. Она отшатнулась, как будто я собирался ее ударить, и мгновенно закрылась. Это я ощутил физически.

– Он умер. Довольно давно, – отчеканила она сухим тоном.

Поздравляю, Волков. Тебя уже нет в живых.

Захотелось нервно рассмеяться. От всей этой абсурдной ситуации, в которой был виноват на все сто, и от того, что потоптался по чужим чувствам, как медведь по пасеке.

– Извини... Я не знал, – выдал из себя, надеясь, что Диана не вскочит и не сбежит от меня, как то уже было в прошлом.

Мы снова оказались в коконе из молчания, которое мне ни капли не нравилось. Я бросал взгляды на сидящую напротив меня женщину и гадал – как и когда смогу перейти к тому, что отец Матвея не только не умер (как она наверняка рассказала сыну), но и очень даже планирует принимать участие в судьбе своего ребенка?

– Ничего страшного... Это ты меня извини, – произнесла наконец Ди, постепенно ослабляясь. И попросила, видимо, чтобы смягчить ситуацию: – Поделишься рецептом какого-нибудь особенного блюда? Я уверена, ты их знаешь миллион!

– Спасибо за этот вечер.

Мы с Волковым стояли у моего дома друг напротив друга, и я испытывала при этом совершенно полярные чувства. С одной стороны – желание поскорее закончить с этой встречей, с другой... ощущение какой-то недосказанности. Наверно, оно было связано с тем, что меня мучил вопрос – почему такой мужчина, как Олег Волков, вообще мне позвонил?

Я сто лет не была на свиданиях. Собственно, с тех самых пор, как узнала о своей беременности. И поняла – то, что к ней привело, было против моей воли. И это теперь рождало во мне страх. Боязнь подпустить к себе какого-то мужчину. Боязнь вспомнить как это было в тот, самый первый раз, который память напрочь заблокировала. И я не была уверена, что готова узнать правду о том, кто сделал со мной это. Ведь будь это порядочный человек, он наверняка бы нашел меня сам. А в непорядочном мы с Матвеем вовсе не нуждались.

Между мной и Волковым стояла тишина. Он не уходил, и я почувствовала, что должна сказать ему все, как есть. Даже если окажусь дурой, которая вообразила о себе слишком многое.

– Олег...

– Да? – откликнулся он хрипло.

Я закусила губу, мучительно подбирая слова. Потом, набрав в легкие воздуха, наконец выпалила на одном дыхании:

– Я хотела спросить... почему ты пригласил меня в ресторан?

Он посмотрел на меня удивленно.

– А почему, собственно, нет? Или у тебя кто-то есть?

– Нет, – помотала я головой. – И я как раз хотела сказать... Не подумай, что я очень самонадеянна, но...

Господи, стою тут и лопочу как малолетняя дурочка! Но в некотором смысле я таковой и осталась. Несмотря на наличие ребенка, опыта отношений с противоположным полом у меня не имелось практически никакого.

– Но? – напомнил он.

Я вздохнула.

– Я просто хотела сказать на всякий случай... я не ищу никаких отношений. Вообще никаких, – подчеркнула, кинув на него быстрый смущенный взгляд.

– Почему?

Определенно, этот мужчина умел поставить в тупик! Я невольно взметнула брови и хмыкнула:

– Нужно обязательно объяснять причины?

– Обязательно, – кивнул Волков с совершенно серьезным видом, но в глазах его при этом чертики плясали самбу. Качнувшись на носках туфель, он подался ко мне ближе и заявил:

– Без подробного объяснения причин отказа я не принимаю.

Наверно, будь это кто-то другой – и я бы уже ушла, холодно попрощавшись. Но в Олеге Волкове было нечто... какая-то странная сила и магнетизм, что удерживали на месте, буквально парализуя.

А я ведь согласилась на эту встречу из чистой благодарности. И вот теперь почему-то стояла, смотрела на этого мужчину и думала – а как могла бы сложиться моя судьба, будь отцом Матвея такой человек? Добрый, сильный, притягательный....

Но этого, увы, никак не могло быть. И фантазировать на подобную тему было глупо и неуместно.

– Тебе объяснения в письменном виде или примешь устный отчет? – невольно улыбнулась я.

– Достаточно устного.

Он опустил взгляд на мои губы и я почувствовала, что не могу произнести ни слова. Чтобы как-то снять с себя это оцепенение, я запрокинула голову, найдя глазами свое окно. Там горел свет – значит, мама уже привела Матвея домой. И мне давно следовало вернуться к сыну.

Я перевела взгляд на лицо Волкова и проговорила:

– Я не могу выразить, как я тебе благодарна за все, что ты для нас сделал. Мне никогда с тобой не расплатиться, но....

– И не нужно, – прервал меня Олег. – Я рад, что ты привела ко мне... Матвея.

Я посмотрела в его глаза и что-то вдруг заставило меня сказать:

– Не хочешь зайти на чашку чая? Матвей будет очень рад тебя видеть. Ты ему понравился.

В глазах Волкова вспыхнуло что-то странное при этих словах. Я пыталась понять, что могла сказать не так, и не находила объяснения. Поэтому поспешно добавила:

– Если ты торопишься, то....

– Нет, я с радостью, – прервал меня Олег.

Отведя взгляд, я кивнула:

– Отлично. Пойдем.

Войдя в квартиру, мы оказались в полной темноте. Свет горел только на кухне, оттуда же доносились характерные звуки – мама деловито гремела посудой, а Матвей, судя по всему, смотрел свой любимый «Щенячий патруль». Никто даже не услышал, как мы вошли, поэтому, включив в прихожей освещение, я окликнула своих домочадцев:

– Мама! Матвей! Посмотрите, кто со мной пришел.

Сын вылетел навстречу первым. Его глаза радостно загорелись при виде гостя, и я вдруг засомневалась, что поступила верно, пригласив Волкова на чай. Совершенно не хотелось,

чтобы Матвей к нему привыкал, потому что это не принесет сыну ничего, кроме разочарования.

– Ой! – выдохнула подоспевшая мама и от потрясения прижала руки к груди. – Это же вы, Олег Волков....

– Я, – кивнул тот и, протянув руку, добавил:

– Рад с вами познакомиться....

– Елена Николаевна, – подсказала мама.

– Елена Николаевна, – улыбнулся Волков.

– Как хорошо, что вы зашли! Я тоже хотела вас поблагодарить за то, что вы так помогли нашему Матвею! Мы ведь почти отчаялись уже... Это так тяжело – смотреть, как мучается ребенок, а ты и сделать ничего не можешь... – Мама смахнула с глаз подступившие слезы и я поспешила вмешаться:

– Все позади, мамуль. Не будем об этом вспоминать.

Мама кивнула и, напоследок пожав руку Волкова, добавила:

– Дай вам бог здоровья! И близким вашим! Чтобы никогда не болели и такого горя не знали...

Мне показалось, что от этих слов по лицу Олега пробежала тень, но она исчезла так быстро, что я не была уверена, видела ли это в действительности.

– Дядя Олег, а вы умеете в шахматы играть? – поинтересовался тем временем Матвей.

– Умею, – кивнул Волков.

– Поиграете со мной?

В глазах сына зажглась надежда. Я хотела было объяснить ему, что дяде Олегу может быть некогда, но тот меня опередил:

– С удовольствием.

– Ура! – оживился Матвей и тут же поморщился:

– Только, чур, не поддаваться! Мама и бабуля мне всегда уступают, но я хочу побеждать честно!

– Не буду, – пообещал ему Волков. – Сразимся с тобой по-мужски.

– Мы точно тебя не задерживаем? – все же уточнила я, и Олег быстро откликнулся:

– Нисколько.

– Ладно. Тогда я заварю обещанный чай, – пробормотала, прежде, чем скрыться на кухне.

Прежде всего – от собственных странных мыслей, что снова замелькали в голове. Несбыточных и невозможных настолько же, насколько было невозможно найти отца моего ребенка.

Я и представить себе не мог, что проводить время с собственным ребенком будет настолько приятно. Играть с ним, отвечать на миллиард его вопросов, просто находиться рядом... Матвей был очень умным и смышленным, и, наверно, как это делает каждый родитель, я не раз подумал, что только у меня мог быть такой малыш.

– А мама иногда страдает, – сказал он, когда мы доиграли в шахматы третью партию.

Я не поддавался, совсем нет. И общий счет составлял два – один в мою пользу, чему Матвей был весьма рад. И когда сын заговорил о Диане, я насторожился. Возможно, дети видели и могли озвучить то, что не готовы были предать огласке взрослые.

– Почему ты так думаешь? – приглушенно спросил я, глядя на сына.

Думать об этом ребенке именно в таком контексте было особенно комфортно. Может, кто-то открестился бы от отцовства, сделал бы все, чтобы его не привлекли к ответу, но только не я.

– Потому что я слышал ее разговоры. Она до сих пор говорит с этой своей...

Матвей нахмурился и даже пощелкал пальцами в воздухе.

– Ее Ириной Борисовной зовут, она аналитик.

– Психоаналитик, – подсказал я.

– Да, точно. Они иногда созваниваются и мама...

Матвей поджал губы, покачал головой. В свои пять он был слишком взрослым и понятливым.

– Что – мама? – напомнил я ему.

– И мне кажется, мама страдает, – повторил он то, о чем уже сказал ранее.

Он делал это по одной простой причине – потому что доверял мне. Доверял, несмотря на то, что мы виделись во второй раз. Должно быть, связь с детьми – совсем невыдуманная штука.

– Я постараюсь сделать так, чтобы она перестала страдать, – заверил я Матвея.

Я и сам не знал, как претворить это в жизнь. Даже напротив – все, что у меня имелось по отношению к Диане – это попытка влезть в ее настоящее с весьма травмирующим прошлым. И мне предстояло понять, как именно это сделать, чтобы не навредить еще больше. Ведь я уже наверняка успел это сделать...

– Олег... Матюша... пойдем пить чай?

Диана появилась на пороге детской так неожиданно, что мы с сыном, каждый погруженные в свои мысли, невольно встрепенулись.

– Мама... конечно, пойдем, – сказал Матвей и, поднявшись, протянул мне руку.

И именно в этот момент я понял, что сделаю все, чтобы мой ребенок и его мама были счастливы и никогда не страдали.

– Волкыч, я нашел.

Таким именем было разрешено меня называть лишь одному человеку. Косте Миронову, с которым мы дружили со школьной скамьи.

– Нашел что?

– Не что, а кого. Ну у тебя и память!

Я так и видел, как Костян качает головой.

– Да ты так размыто говоришь, что хрен знает, что ты там мог отыскать. Мозгоправа?

– Мозгоправшу, – поправил он. – Это будет баба, прости. Но жена говорит, что лучше нее никого не знает.

Усмехнувшись, я подтянул к себе блокнот и взял ручку. И скомандовал:

– Диктуй номер, Мирон.

Идея обратиться к психологу была весьма себе жизнеспособной. Ну, как считал я. Даже если эта самая мозгоправша не поможет с вопросом, с которым я собирался к ней обратиться, вполне можно будет получить какую-нибудь консультацию по моему состоянию.

– Спасибо, – сказал я, когда Костя озвучил мне номер психологини. – Буду должен.

И отключил связь.

В итоге у меня имелись контакты той, которая могла пролить свет на случившееся. И теперь я мог оперировать не только своими догадками, но и мнением профессионала. Осталось понять, когда именно мне стоит применить свои знания на деле.

– Добрый день, Олег. Я Алина, как вы уже знаете.

Мне улыбнулась миловидная полная женщина с ярко-насыщенными рыжими волосами. Указала на стул напротив себя и я с первых слов, произнесенных ею, почувствовал себя комфортно.

Мозгоправов я недолюбливал. Наверно, сказывалось некое предубеждение. Многие были уверены, что если ты обращаешься к психологу, то у тебя давно поехала кукушка. Но среди моего окружения все больше обращались к таким консультациям и, наверно, это было правильным.

– А я Олег, как вы уже знаете, – ответил в тон, обращаясь к Алине.

Она подвинула ближе блокнот, взяла ручку и... просто стала смотреть на меня. И я понял – никто ничего не станет вытаскивать из меня щипцами. Я сам должен рассказать то, что меня волнует.

– У меня есть одна проблема, – начал я, но тут же осекся. Покачал головой, усмехнулся. – Точнее, не одна, но поговорить хочу о весьма конкретной.

– Тогда говорите.

– Ммм... я не знаю, как приступить к сути.

– Есть ли что-то, о чем вы можете рассказать? Какая-то ситуация? Отправная точка? Совсем необязательно оговаривать ту проблему, о которой вы уже заявили. Мы к ней придем, так или иначе.

Я удивленно приподнял брови. Кажется, эта самая Алина была не так плоха...

– Ситуация есть.

Замявшись, я не сразу понял, что именно стоит озвучивать. Снова почувствовал себя подростком, каковым не являлся уже лет двадцать.

– Не так давно я находился в клубе. Отмечали скорую свадьбу моего приятеля. Был мальчишник.

Я посмотрел на Алину, на ее лице была написана безмятежность, что подтолкнуло меня к тому, чтобы рассказывать дальше.

– Там я увидел девушку. Красивую, даже очень... Но принял ее за другую.

– За кого?

– За одну из... скажем так, легкодоступных девушек, которые были на этом вечере.

– И что вы сделали?

– Я ее взял.

Да, именно так. Зачем скрывать от психолога то, что рано или поздно выйдет наружу?

– Взяли грубо?

– Почему вы так решили?

– Я пытаюсь найти ту самую проблему, которую вы мне пока не озвучили.

На лице психологини отразилось что-то – то ли сомнение, то ли нечто весьма на него похожее.

– Нет, просто взял. Но кажется, она восприняла это за грубость.

– Продолжайте. Вам ведь есть, что рассказать.

Я уперся взглядом в Алину, она – смотрела на меня в ответ. На этот раз цепко, но давая понять, что эта консультация нужна прежде всего мне. Впрочем, так оно и было.

– Она забеременела. Родила. И сейчас или не помнит о том, кто ее взял, или делает вид, что не помнит.

Я выдал то, что было основным. Обрисовал детали, которые могли пролить хоть каплю света на случившееся. И увидел, что Алина ошарашена.

– Она общается с вами и сейчас? – спросила психологиня. – Кстати, как ее зовут?

– Диана... – ответил я. – Так получилось, что я невольно помог ей и нашему ребенку.

– Как это произошло?

– Я перевел деньги на его лечение. Тогда я не знал, что это мой сын. Это стало случайностью. Но сейчас меня волнует то, почему его мама меня не помнит.

Алина откинулась на спинку стула. Посмотрела на меня внимательно, после чего сказала:

– В ваших действиях в том клубе не было насилия?

Я тут же впал в ступор.

– Я же вам сказал... я принял ее за шлюху.

– И действовали соответственно?

– Да.

– А как вела себя Диана?

– Она зажималась, но тогда я принял это за игру.

– Понятно.

Что там ей было понятно, я не знал, но смотрел на Алину и ждал ее вердикта. По сути, только она могла сказать хоть что-то о случившемся, и я это принимал как данность, как бы ни противился тому, что в жизненно важной ситуации могли главенствовать те, кого я совсем не желал туда допускать.

– Скажите, она могла... просто забыть о том, что случилось в ту ночь? – задал я тот вопрос, который волновал меня сильнее всего.

И тут же услышал весьма конкретный ответ:

– Конечно. Сознание Дианы просто могло вытеснить случившееся в клубе. Это распространенное явление. Вы невольно нанесли ей травму, и эту травму Диана вытеснила. Она не помнит ничего о той ночи.

– Но я ее не насиловал! – с жаром ответил я на слова Алины.

– Конечно, нет. Но она восприняла это именно так. И сейчас вам нужно действовать очень осторожно, если вы хотите, чтобы Диана впредь воспринимала вас адекватно.

Алина сначала подалась ко мне, но снова откинулась на спинку стула и улыбнулась. Я посмотрел на психологиню и невольно хмыкнул. Она обрисовала весьма невыполнимые задачи. Именно этого я и опасался.

Диана определенно воспримет меня неадекватно, когда я признаюсь ей во всем. И именно над этим мне предстояло подумать в обозримом будущем.

– Какой приятный мужчина этот Олег, – сказала мама со значением, когда Волков покинул наш дом.

Я ожидала, что мне станет легче дышать с его уходом, потому что он действовал на меня как-то странно. Пугающе. Но вместе с тем... его присутствие рядом буквально обволакивало – так, что мне снова начинало казаться, будто я его давно знаю. Моя небольшая квартирка, плотно забитая вещами и мебелью, где вечно не хватало места, вдруг показалась мне странно пустой с его уходом.

– Он хороший человек, – ответила я, погружая чашки и грязную посуду в раковину, начисто проигнорировав при этом хорошо знакомый мамин тон. – Иначе он бы не помог Матвею.

– И привлекательный, – настаивала на своем мама. – А как он Матюше нашему нравится! Тот аж сиял, когда они в шахматы играли!

Маму этот факт, очевидно, приводил в восторг, а вот меня – совсем наоборот. Я не хотела, чтобы сын привязался к постороннему мужчине, с которым нам было совершенно не по пути. Как, впрочем, и с любым другим.

Когда я промолчала на ее последнюю реплику, мама снова пошла в бой, теперь уже с открытым забралом.

– Вот бы мне такого зятя! – вздохнула она. – Да и внучку мужское влияние вовсе не повредит!

Я со стуком поставила вымытую чашку в сушилку и, вразрез с этим резким звуком, как можно спокойнее ответила:

– Забудь об этом.

– Диана, но тебе нужен мужчина! Ты в самом расцвете лет, а молодость уходит так быстро....

– Напомню тебе, – едва сдерживаясь, откликнулась я, – что шесть лет назад ты мне запрещала всяческие отношения с мужчинами!

– Но тебя это все равно не уберегло! Так что толку вспоминать о том, что было так давно? Да уж, не уберегло. Знать бы еще, как меня так угораздило?

Все, что я знала о том вечере – это то, что поехала подработать официанткой на какой-то пафосный мальчишник. При этом меня уверили, что все будет прилично и никто не станет ко мне приставать, потому что для этих целей наняты специальные женщины. И из того, что я помнила – ко мне действительно никто не приставал. Но, тем не менее, каким-то образом я оказалась в итоге беременна! А почти полсутки жизни начисто выпали из моей памяти. Очнулась я уже утром, в собственной постели, но как попала домой – не помнила совершенно.

– Мама, давай не будем, – сказала я, подавив вздох.

– Девочка моя, – мамин тон сделался почти умоляющим. – Несмотря на то, что случилось, надо жить дальше. Девственность все равно уже не вернуть, как и не найти этого развратника! Но ты еще такая молодая, тебе надо замуж...

– Что мне действительно надо – так это ложиться спать, – отрезала я. – У меня завтра на работе грядет проверка. Поговаривают, что Васнецов возвращается из своей ссылки.

– Батюшки! – выдохнула мама, а потом вовсю замахала на меня руками:

– Ложись спать! Я тут все домою, а потом к себе пойду. Этих больших начальников лучше не сердить...

Вот уж точно. Особенно тех, от кого не знаешь, чего и ждать. А Роман Андреевич был именно из таких.

– Спасибо, мамуль, – я отошла от раковины и поцеловала маму в щеку. – Но ты тоже ложись. Я утром все помою сама.

– Иди, иди, – проворчала мама и пробормотала себе под нос:

– Но какой все-таки чудесный был бы зятек из Олежки....

В последующие три дня Волков никак не давал о себе знать, и я уже решила, что он все же принял мой отказ и больше не заинтересован в продолжении знакомства. Осознание чего странным образом меня задевало, но я упорно говорила себе, что это только к лучшему.

Но одним вечером, когда я забрала Матвея из садика и мы шли домой, уплетая по пути мороженое, у самого подъезда нас окликнул знакомый голос:

– Диана! Матвей!

Оглядевшись по сторонам, я обнаружила Олега Волкова метрах в десяти от нас. Он стоял, прислонившись к безупречно чистому, лоснящемуся в лучах закатного солнца, боку своей машины. Естественно, это была дорогая иномарка, которая не шла ни в какое сравнение с моим стареньким Рено. И один только этот факт прокладывал между нами огромную пропасть, напоминая о том, насколько в разных кругах мы вертимся.

– Олег, – улыбнулась я, когда он, оттолкнувшись от машины, подошел ближе. Матвей рядом со мной едва не подпрыгнул от восторга при виде Волкова, и видеть сына таким счастливым было мучительно и радостно одновременно.

– Привет! – поздоровался он, задрав голову, а потом, протянув Олегу мороженое, предложил:

– Будешь мороженку? Мы с мамой по пути купили. Оно, конечно, не такое вкусное, каким ты меня угощал тогда на своей работе, но тоже неплохое. Мне нравится мороженка в рожках и иногда в брикетах, а тебе?

Сын выдал всю эту информацию буквально скороговоркой, и когда Волков улыбнулся ему в ответ – открыто и искренне, мне показалось, что мое сердце буквально тает, как та самая мороженка.

– Мне тоже такое нравится. Попробую с удовольствием, – заявил Олег. – Спасибо.

Наклонившись, он сделал небольшой укус, после чего выпрямился и, переведя взгляд с Матвея на меня и обратно, спросил в свою очередь:

– А я тоже хотел поинтересоваться – ты любишь пирожки?

– Бабуля очень вкусно печет, – ответил сын, сосредоточенно нахмутив лоб. Так, словно обдумывал какой-то очень важный вопрос вроде того, как вывести экономику из кризиса, а вовсе не то, любит ли он пирожки. – Мне нравятся с капустой и картошкой. И с яблоком. А вот мама не очень умеет печь, – сообщил он Олегу заговорщическим тоном. – Но она старается.

– Ну спасибо на добром слове, – шутливо буркнула я.

Вот ведь чудо-ребенок! Заложил родную маму с потрохами.

Взметнув брови, Волков насмешливо посмотрел на меня, и я в ответ только руками развела – ну что поделать, если я действительно плохо умею печь пирожки?

– Вообще-то для того, что я хотел вам предложить, вовсе не надо ничего делать. Точнее – надо, но только не печь пирожки, а есть. И не только пирожки.

– Как это? – тут же поинтересовался сын.

– Я приглашаю вас на благотворительный фестиваль, – пояснил Олег, не сводя с меня глаз. – Буду угощать вас там всякими вкусностями.

– Ух ты! – обрадовался Матвей. – Мама, мы же поедем?

Ну какая же ты хитрая задница, Волков! – хотелось мне сказать, но при ребенке я себе такого позволить не могла. Как и отказаться. Вот не будь рядом Матвея – решение было бы быстрым и весьма однозначным.

– Я не уверена, что смогу, – ответила размеренно. – У меня на работе завал.

Это была чистая правда. Вернувшийся Васнецов носился по бутику, где я работала, так, словно в него черти вселились, причем всем своим чертячьим семейством, и по сто раз на дню проверял нашу готовность к предстоящей презентации нового товара. И надо же ему было выбрать для этого именно мой магазин!

– И кроме того, я ведь говорила, что не ищу... – добавила я, с упреком посмотрев на Олега, но тот ответил мне насмешливым взглядом и прервал, не дав договорить:

– А я ничего из того, о чем ты говорила, тебе и не предлагаю. Пока что, – добавил он веско.

Я уже открыла было рот, чтобы парировать ему в тон, но тут Матвей потянул меня за руку и буквально взмолился:

– Mamочка, ну пожалуйста, давай поедем! Пожалуйста-пожалуйста!

– Когда фестиваль? – спросила я Волкова, подавив вздох, и втайне надеясь, что это будет мой рабочий день, который даст мне благовидный предлог для отказа.

– Начнется пятнадцатого, – ответил Олег и прежде, чем я успела что-либо сказать, Матвей снова меня сдал, не моргнув при этом и глазом:

– Ура-ура-ура! У тебя как раз отпуск!

– Про визы не спрашиваю. Но о них позабочусь, – усмехнувшись, сказал Волков.

И в этот момент я поняла, что эти двое выбора мне, похоже, попросту не оставили.

– Олежа! Почему ты не подходишь к телефону?

О, этот голос я был готов узнать из тысячи. Летти собственной персоной, нафуфыренная «от и до» и готовая к атаке.

– У меня было много дел, – предпринял я попытку отмахнуться от Виолетты, что мне совсем не удалось.

Мою капитуляцию в сторону дома она восприняла весьма в своем стиле. Бросилась за мной, схватила за рукав пиджака.

– Я много думала о нас, – с жаром заявила мне Летти, – и поняла кое-что важное.

Обернувшись, я окинул бывшую быстрым взглядом. Она, определенно, была умна, иначе бы я с ней не связался. Но умела прикинуться такой дурочкой, что хоть плачь. Вот и сейчас отчаянно пыталась выглядеть не особо умной, что ей весьма удавалось.

– Тебе нужен ребенок! – воскликнула она, когда я не стал уточнять, что же такого важного успела понять Виолетта.

Сначала я замер. В голове пронеслись миллионы вопросов о том, что могла знать Летти относительно Матвея и Дианы. Но потом понял – бывшая просто пытается ухватиться хоть за какую-то соломинку, чтобы удержаться рядом со мной.

Но как же близка к правде она была! Мне взаправду был нужен ребенок. Вот только рожден он был уже довольно давно и совсем не Виолеттой.

– Ты готова достать его из-под подола? – хмыкнул я, берясь за ручку двери.

Летти облизнула губы и с жаром заявила:

– Нет. Но у меня сейчас как раз овуляция. Если все сделать как нужно, через пару недель я буду беременна.

Ах, у нее как раз была овуляция! Как же удобно.

– Извини, Виолетта, но меня это не интересует.

Она скривилась. То ли оттого, что назвал ее полным именем, что Летти терпеть не могла, то ли оттого, что ее попытка залететь от меня потерпела крах.

Зайдя в подъезд и закрыв за собой дверь, я буквально бросился к лифтам. Как будто Виолетта могла кинуться следом и меня изнасиловать в попытке получить желаемое.

Уже стоя возле двери в свою квартиру, я усмехнулся и покачал головой.

Докатился, мать-перемать...

– Как вы считаете, в какой момент мне стоит сказать Диане правду? – спросил я при следующей встрече с психологом.

Она была для меня тем самым островком безопасности, в который я впился руками и ногами. Как будто другого шанса на то, чтобы все верно выстроить в отношениях с Ди, у меня не имелось. Впрочем, наверно так оно и было.

– Так или иначе вам придется это сделать. Если вы хотите построить с ней отношения.

Она вопросительно приподняла бровь, и я кивнул.

– Хочу.

– Но торопиться и делать все так, чтобы это травмировало Диану еще сильнее – нельзя.

Я сложил перед собой руки домиком и посмотрел поверх них на психологиню. Она вроде как наводила меня на какие-то мысли, но решать все в итоге должен был я сам. Может, они все так работают?

– И что вы предлагаете? – вскинул я бровь.

– Наблюдать. Чувствовать. Понимать, когда она будет готова слышать то, что вы обязаны ей рассказать.

Алина смотрела на меня безотрывно, а я начал испытывать злость. Я же, черт побери, платил огромные бабки совсем не за то, чтобы меня тыкали носом в то, чего я не понимал!

И все же... подспудно осознавал – это только моя проблема. И только я могу ее решить. И прийти к тому, каким образом смогу это сделать, тоже должен был я сам.

– Поймите, Олег... вы приходите ко мне один. Без Дианы. Ее я услышать не могу. Потому и помогаю, исходя из того, что слышу от вас. Ситуация сложная. Нужно быть очень осторожным. Но вы на верном пути, Олег.

Алина улыбнулась, и я тоже расслабился. Если я был на верном пути, значит, не все еще было потеряно.

– Как вы думаете, она сможет меня простить? – спросил я.

– А вы считаете себя виноватым?

– Отчасти да.

Алина кивнула и что-то записала в свой блокнот. После чего вновь посмотрела на меня.

– Когда Диана увидит, что вы раскаиваетесь в том, как все между вами произошло, я уверена – она вас простит. Но не знаю, когда именно это случится.

Я встретил взгляд психологини уверенно. Она озвучила то, что понимал и я сам. У меня не имелось никакого осознания того, когда именно Диана поймет, что я не был насильником. Впрочем, только в моих руках была возможность сделать все так, чтобы обнажение этого факта прошло для Ди как можно более комфортно. И я готов был пойти на все ради этого.

– Ух, ты! Мы уже катимся! – воскликнул Матвей, когда самолет стал выезжать на взлетную полосу.

– Катимся, да. А потом станем разгоняться... и увидишь, как оторвемся от земли.

Я покосился на Диану, сидящую рядом. Опасался, что наш сын испугается взлета, но, кажется, Ди была спокойной и ни о чем не тревожилась.

Я скользнул быстрым взглядом по ее профилю. Задержался глазами на пухлых губах. Черт, те желания, которые возникали у меня по отношению к Диане, были весьма не пуританского толка.

– Выпьем шампанского, когда стюардессы наконец отлепят от своих кресел? – вполголоса спросил у нее, стоило самолету оторваться от взлетно-посадочной полосы.

– Хочешь меня сподить, Волков? – вскинула Диана бровь в ответ.

– Не сейчас, – пообещал ей с улыбкой.

А сам подумал – к тому, что так или иначе придется ей сказать, надо будет подойти во всеоружии. И выпивка, пожалуй, совсем не будет лишней.

Все то время, что мы добирались до Ноттингема (сначала самолетом в Лондон, а потом на машине до места назначения), меня не переставал мучить один и тот же вопрос. Правильно ли я поступила, поддавшись уговорам сына и согласившись на эту поездку?

Ситуация ведь была крайне... неоднозначная. Я уже дала понять, что не ищу никаких отношений, но почему тогда Олег так хотел, чтобы мы поехали с ним? И получалось, тем самым, что я отправилась в отпуск с человеком, с которым нас ничего не связывало. Кроме одного – он спас жизнь моего сына.

С тех пор, как Матвей победил болезнь, я, наверно, позволяла ему слишком многое. Но ничего не могла с собой поделать – счастье сына стало для меня самой важной задачей. И когда видела, как нравится ему общество Волкова, просто не могла прервать эту странную, слишком быстро завязавшуюся, связь. И все чаще думала – возможно, мама была права. И, может, стоило оставить прошлое в прошлом и дать себе шанс сойтись с кем-то чуть ближе, чем я позволяла обычно. Тем более, что понимала – Матвею очень не хватает мужчины рядом. Конечно, у него был дедушка, но это совсем не то же самое, что отец. И когда Волков привез нас в отель в самом центре города, я пообещала себе главное – попытаться. Ради сына и себя самой.

– Какие у нас планы? – поинтересовалась я, когда мы уже устроились, и Олег заглянул в наш номер, смежный с его собственным.

– Фестиваль продлится несколько дней. Цель – собрать денег в помощь детям с ограниченными физическими возможностями. Будут организованы всякие конкурсы и мастер-классы. И я... – он усмехнулся, глядя мне прямо в глаза, – очень рассчитываю показать тебе, как я хорош в этом деле... и не только в этом.

Конечно, со мной флиртовали и раньше. За прошедшие годы хватало мужчин, пытавшихся завязать какие-то отношения, но ни к одному я не испытывала ничего, кроме отторжения. Сейчас же, от одной-единственной фразы Волкова почувствовала, что краснею с головы до ног! И что особенно пугало – эти слова порождали внутри меня не испуг, а предвкушение.

– Тебе придется очень постараться, – наконец нашлась я с ответом и растянула губы в дразнящей улыбке.

– Можешь не сомневаться в моих талантах, – парировал Волков с ответной ухмылкой.

– Поверю, только когда увижу лично.

– Я дам тебе такую возможность, – пообещал он многозначительно и, посерьезнев вдруг, с сожалением посмотрел на часы:

– Фестиваль стартует уже завтра и мне нужно уладить некоторые дела до его начала. Ничего, если я оставлю вас на несколько часов?

– Конечно, никаких проблем, – кивнула в ответ. – Я уже наметила для нас с Матвеем культурную программу. Мы немного погуляем по городу и где-нибудь перекусим.

– Только не очень плотно, – заявил Волков, покачав пальцем. – Хочу сводить вас вечером в один ресторан.

– Договорились, – улыбнулась я, после чего, попрощавшись, Олег вышел, а мы с сыном отправились на прогулку.

До замка, бывшего главной достопримечательностью города, стоявшей грозным стражем на вершине скалистого утеса, мы решили добираться пешком. Все еще теплая, характерная для начала осени, погода, делала подобную прогулку весьма приятной и полезной.

– Мама, а кто это? – поинтересовался Матвей, когда мы оказались во дворе замка и наткнулись на невысокую скульптуру, вокруг которой толпились туристы.

– Это легендарный благородный разбойник, Робин Гуд, – ответила я, глядя на бронзовую фигуру, в которой знаменитого героя можно было узнать по капюшону и луку со стрелами.

– А что значит благородный разбойник?

– Это значит, что он помогал людям... но не совсем законным путем. Робин Гуд обитал в Шервудском лесу и грабил проезжавших мимо богатых людей.

– Тогда он простой воришка? – нахмурился непонимающе сын.

– Не совсем. Все, что он добывал, он раздавал бедным людям. И за это они воспели его в своих легендах.

– Он был как дядя Олег? Он ведь тоже помогает тем, кто нуждается.

– Ну, почти, – улыбнулась я. – Только дядя Олег никого для этого не грабит. Потому что сейчас совсем иное время и такие методы давно не нужны.

– Я тоже хочу быть как дядя Олег, – заявил сын. – Или Робин Гуд. Хочу помогать людям.

– Для этого есть множество прекрасных профессий, – ответила я. – Например, можно стать врачом.

Сын немного подумал, сосредоточенно хмуря лоб, после чего торжественно заявил:

– Да. Я стану врачом. Хочу делать так, чтобы люди не страдали.

Я снова растянула губы в улыбке, но они предательски дрогнули. В памяти все еще были слишком живы воспоминания о том, как мучился Матвей во время болезни. Как плакал по ночам, потому что не мог заснуть от страшных болей. И если бы не Олег... мне сейчас было бы просто некого держать за руку. Не для кого жить.

– Обязательно все так и будет, – сказала я сыну. – А теперь пойдем, посмотрим замок изнутри. А перед сном я прочитаю тебе легенды о Робин Гуде.

– Правда? Здорово, мне нравятся истории о супергероях!

Я усмехнулась от такой характеристики, но все же согласилась с сыном:

– Да, Робин Гуд, пожалуй, и правда был супергероем своего времени.

И мы направились к кассе, чтобы купить билеты в замок.

– Мама, а где дядя Олег?

Матвей озираясь по сторонам, пытаясь выискать Волкова в пестрой толпе зрителей, купивших билеты на фестиваль. Народу здесь собралась просто тьма – я раньше даже не подо-

зревала, что кулинарные мастер-классы могут быть настолько популярны. Хотя, судя по разговорам в толпе, некоторые девушки приходили сюда вовсе не для того, чтобы научиться готовить. Их интересовали сами шефы, и Волков, похоже, котировался в этом хит-параде довольно высоко.

– Этот русский шеф такой горячий! – услышала я недалеко от себя и даже повернулась, чтобы посмотреть на говорившую, коей оказалась высокая блондинка с завидными округлостями в правильных местах. И при виде нее я вдруг ощутила что-то весьма... неприятное. Господи, ну не ревность же это? Глупость какая!

– Он готовится к предстоящему мастер-классу, – ответила я сыну, отходя подальше от этой горячей штучки. Указав Матвею на длинный ряд столов, добавила:

– Дядя Олег будет вон там. Он покажет детям, как можно делать всякие вкусности.

И в этот самый момент ведущий мероприятия объявил выход Волкова.

– Уже начинается, – сообщила я сыну. – Пойдем посмотрим?

– Пойдем. А можно будет только смотреть или поесть тоже?

– Голодными мы точно не уйдем, – рассмеялась я и, держа Матвея за руку, направилась поближе к столам, где Волков уже готовился показывать всем свои таланты в кулинарии. Хотя, как мне помнилось, он утверждал, что хорош не только в этом.

Но все остальное, что он умел, мне почему-то совершенно не хотелось делить с этой толпой. И это было весьма необычно и странно.

– Итак... у нас сегодня в меню... тесто! – сказал я, окинув взглядом нескольких детишек, которые смотрели на меня так, как будто я не готовить собирался, а как минимум превратить воду в вино.

Нахмурившись, попытался понять, что не так. И тут же ответ пришел сам собой – рядом не было Матвея.

Конечно, он совсем не был тем, кто нуждался в благотворительности, но и проводить мастер-класс для детей, при этом не видя рядом своего сына, было для меня неправильным.

– Тесто в меню? – откликнулся один из ребяташек.

– Да! Именно так. Тесто в меню. А уж что мы из него сообразим сделать, зависит только от нас.

Я вновь посмотрел на тех, кто присутствовал на этот мастер-классе, и нашел глазами Матвея, стоящего чуть поодаль рядом с Дианой.

– И мне сегодня будет помогать мой...

Вовремя прикусив язык, я махнул Матвею, и он почти сразу очутился возле меня.

– Мой верный су-шеф, – нашелся, дав возможность сыну расположиться возле стола с удобством.

– Я знаю, что из этого можно сделать печенье, – сказал Матвей на чистом русском, кивнув на то, что лежало перед нами. Муку, яйца, сахар.

Черт, а ведь у нас тут еще и языковой барьер образовался.

– Вот его и будем делать, – кивнул ему и, уже на английском, добавил: – Как вы считаете, сколько блюд можно приготовить из теста?

В ответ послышался нестройный хор голосов. Каждый ребенок наперебой выдавал свою версию возможных кулинарных свершений.

– Отлично! – сказал я, когда малышня стихла. – И предлагаю готовить именно то, что вам хочется. Печенье, вонтоны, лазанья или пицца. Пусть это будет самое ваше желанное ваше блюдо.

Пока дети завозились, каждый схватив первый попавшийся ингредиент, я обратился к сыну.

– Ну, что будем делать? – спросил у него.

Он нахмурился, оглядывая продукты, которые стояли перед нами.

– Давай пиццу. Я люблю ее, но мама мне редко покупает.

Кивнув своим помощникам, каждый из которых принялся содействовать детям в том, чтобы у них получилось прекрасное ресторанное блюдо, я сказал Матвею:

– Наверно, это потому, что магазинные пиццы не так уж и полезны. Но мы сделаем классную.

– Мама вообще-то тоже ее любит. С помидорами и какой-то там мра.. мор...

– Моцареллой, – подсказал сыну, и он с оживлением закивал.

– Да, с ней! Она у нас есть?

– Конечно.

Кивнув на сыр, я взглянул на Диану. Она стояла неподалеку и наблюдала за нами. Такая притягательная, но одновременно далекая.

– Давай приготовим пиццу для твоей мамы, – сказал я уверенно, и мы с Матвеем принялись за дело.

– Это было очень вкусно и интересно! – сказала Ди в который раз, когда мы возвращались в наш отель.

Она выглядела воодушевленной, а наш сын, несмотря на поздний час и усталость, которую наверняка испытывал, оживленно скакал на одной ноге. Так, как будто не провел только что несколько часов на кухне. Наверняка гены.

– Я рад, что вам понравилось, – улыбнулся я.

Мне было так комфортно в компании Дианы и Матвея, что я даже припомнить не мог, когда в последний раз чувствовал себя настолько хорошо.

– Очень понравилось! И то, что ты с моим сыном был одной командой, и то, какой была пицца.

Диана смотрела на меня, и я испытывал такие чувства, которые рождали во мне совсем не пуританские желания.

Она сказала – с моим сыном, а он ведь был нашим общим. И я хотел донести это до Дианы, но не просто так, а прижимая ее к себе и говоря эту правду с прикосновением к ее полным губам.

– Извини... я сейчас, – сказал Ди, когда мы добрались до коридора отеля.

Она показала мне знаками, что пойдет с Матвеем к себе, я же кивнул и отвлекся на звонок.

– Олежа! Ты где?

Да какого хрена вообще Летти задавала мне этот вопрос?

– Я на работе, – как можно холоднее ответил я. – И очень занят.

Она замолчала, и я закатил глаза. Как донести до бывшей, что она мне на хрен не сдалась, я не знал, но всячески пытался это показать.

– Мне тут Света сказала кое-что, – проговорила Виолетта, и я инстинктивно напрягся.

Что за Света имелась ввиду, я понимал прекрасно. И тут же захотелось уволить свою секретаршу в очередной раз.

– Что тебе сказала Света? – равнодушным, насколько хватало моего терпения, переспросил в ответ

Летти замолчала. И это мне совсем не нравилось. Как будто ей нужно было время, чтобы найти верные слова. И она их все же нашла...

– Она сказала, что к тебе приходила женщина... с ребенком.

Твою дивизию! Только этого мне и не хватало.

– С каким ребенком? – попытался уйти в несознанку, уже прекрасно понимая, что к чему.

– Не знаю... Света уверена, что он похож на тебя.

Нет, ну, секретарша это зря. Она ведь понимала, чем ей это грозит? Или нет?

– Ви, перестань компостировать мой мозг всякими небылицами. И хватит меня донимать.

Сказав это, я отрубил связь и, прислушавшись к тому, что происходит с той стороны двери номера, решил, что беспокоить Диану и Матвея сегодня уж точно не стоит.

На следующее утро я вышел к завтраку, накрытому в ресторане на первом этаже отеля, совершенно невыспавшимся, но успевшим передумать тысячу мыслей. Главными из которых были те, что касались Дианы и нашего с ней сына.

Я понимал, что подошел к черте, за которой скрывать мое отцовство будет не просто неверно, но даже опасно. Взять ту же Летти. Она ведь вполне может рассказать о своих подзрениях не только мне, но и, скажем, прессе. Или Диане. И допустить этого я не мог.

Да и в целом понимание, что Ди может думать об отце своего ребенка как о насильнике, подталкивало меня к тому, чтобы во всем признаться, и дальше будь что будет.

– Привет, – улыбнувшись, сказал я, когда спустился на завтрак, чуть задержавшись, чтобы дать возможность Диане и Матвею основательно подкрепиться.

Сам же вообще не испытывал голода – то ли от нервов, то ли вследствие совсем непонятных мне причин.

– Привет, – откликнулась Ди.

В этот момент она выглядела особенно нежной и беззащитной. И я не понимал, как именно сказать ей то, что был должен, но при этом не навредить.

– Как вы спали? – задал вопрос на нейтральную тему, чтобы хоть как-то сгладить то, что неминуемо должно было произойти.

Волновался при этом как мальчишка, у которого впереди намечалось первое свидание.

– Хорошо. А ты как? – спросила Диана.

И я понял, что ей действительно это важно. Важно знать, как я спал...

– Можно тебя на пару слов? – спросил, кивая на Матвея и давая понять, что мы оставим его, отойдя на расстояние вытянутой руки.

– Конечно... – растеряно ответила Диана. – Что-то случилось? – спросила, когда мы отошли на пару метров.

На лице ее при этом была такая тревога, что я засомневался в правильности того, что собирался сделать. Впрочем, когда пауза между нами затянулась, и я понял, что пора сказать то, что планировал, выдал правду, какой она была:

– Ничего не случилось... – Задержав дыхание, я прикрыл глаза и добавил скороговоркой: – Ничего, кроме того, что я и есть отец Матвея. Именно я – мужчина из того клуба, Диана. Это именно я...

– Что? – тупо переспросила я. – В каком смысле?

Глупые, идиотские вопросы. Но то, что сказал сейчас Волков, никак не укладывалось в голову. Это что, какая-то шутка? Или он действительно что-то знал о том, о чем я сама не помнила?

– Откуда ты знаешь... О чем ты вообще говоришь? – я ощутила, как к разуму подступает паника. Дикая и неотвратимая, как снежная лавина.

– Я – отец Матвея, – терпеливо повторил Олег, словно говорил с непонятливым ребенком.

– Нет, – помотала я головой. – Нет.

Я слышала и понимала все, что он говорил. Но произносимые им слова попросту отказывался воспринимать разум. Это какая-то ошибка. Глупая выдумка!

Руки Олега опустились на мои плечи, аккуратно сжав их, и он снова сказал:

– Это правда. Я знаю абсолютно точно, потому что... сделал тест.

Он сделал... что? Тест на днк? Не сказав мне, не поговорив со мной, не спросив разрешения, просто взял и влез в мою личную жизнь, словно слон в кукольный домик?

– Мы уходим, – заявила я, нуждаясь в том, чтобы просто остаться сама с собой и направилась было к сыну, но тут рука Волкова перехватила мое запястье.

На меня словно огнем полыхнуло. Сжирающим заживо, алчным пламенем, прожигаящим до самых костей. Я опустила взгляд туда, где рука Волкова сжимала мое запястье – крепко, властно. И со всей неотвратимостью поняла – все это уже было однажды. Эта рука на моем запястье, поросшая темными волосками, с легким следом от ожога в виде полумесяца. Эта сила, что удерживала меня вопреки моему желанию. Все это уже было. Все это я теперь вспомнила, словно в голове произошел резкий взрыв.

Меня затрясло. Я испытывала парализующий ужас и никак не могла оторвать взгляда от этих пальцев, впивающихся к мою кожу. И было до жути страшно поднять глаза и увидеть перед собой не того, кто спас жизнь моего сына, а того, кто сотворил со мной то, что я боялась вспоминать годами.

– Не трогай меня, – произнесла глухим голосом, так и не поднимая глаз. Словно если не смотреть на этого Волка-оборотня, он может исчезнуть, а прежний Олег, каким успела его себе вообразить – вернется. И все будет, как прежде. Но ни черта уже, как прежде, не будет, и быть не могло!

Я вырвала свою руку из его захвата и, подойдя к сыну, сказала:

– Идем, сынок.

– Но, мама, я еще не....

– Идем, – повторила твердо и, взяв ребенка за руку, пошла прочь.

Но побыть наедине со своими мыслями, а скорее даже – кошмарами, мне так и не удалось. Олег постучал в дверь уже пять минут спустя и до меня донесся его голос:

– Диана, давай поговорим. Пожалуйста.

Невозможно было дальше бегать от того прошлого, что не желала вспоминать. Мама была права – ничего назад уже не вернуть. Ни девственность, ни прежнюю меня, какой была до этого происшествия. И рано или поздно нам пришлось бы все это обсудить. Как бы ни хотела я просто вычеркнуть этот эпизод из своей жизни. Как и самого Олега Волкова.

Не желая, чтобы сын стал свидетелем отвратительной сцены, я подошла к нему и сказала:

– Побудь тут, пока я поговорю с дядей Олегом. Поиграй в планшет.

В ответном взгляде ребенка плескалась тревога, когда он поднял на меня глаза. Точно так же как тогда, когда болел... и все спрашивал меня, когда же это кончится? А я не могла ничего ему сказать. Ничего обещать...

И меньше всего я желала теперь, чтобы сын о чем-то волновался. Поэтому натянула на лицо улыбку и добавила:

– Я скоро вернусь.

После чего открыла дверь соседнего номера и, распрямив плечи, мужественно шагнула внутрь, чтобы посмотреть в лицо своим кошмарам.

– Диана. – Волков сделал мне шаг навстречу, но я, захлопнув за собой дверь, холодно отчеканила:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.